

*Эпоха неординарных умов
и создание «Франкенштейна»*

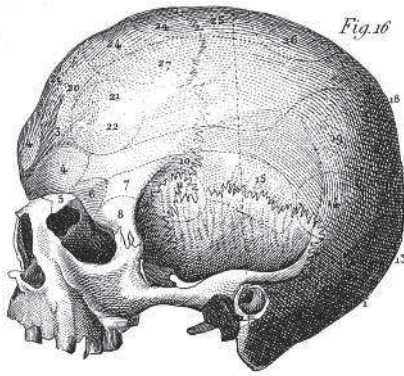

Fig. 16

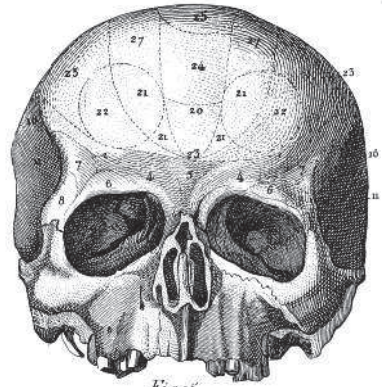

Fig. 15

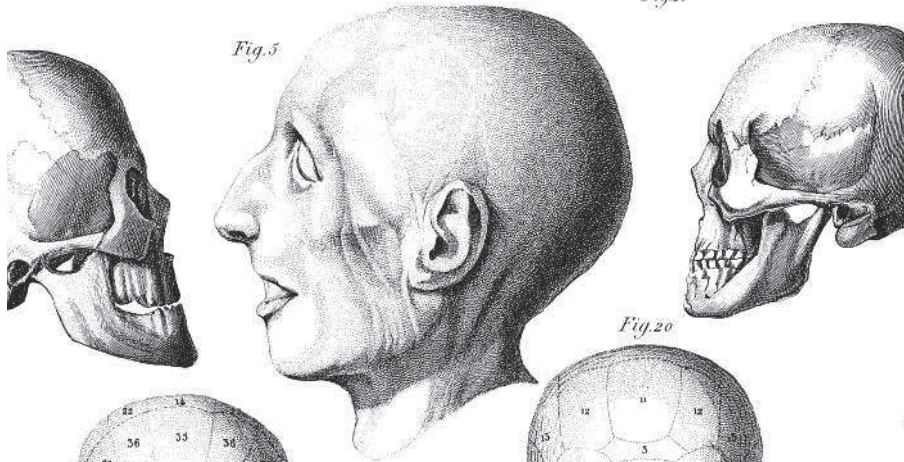

Fig. 5

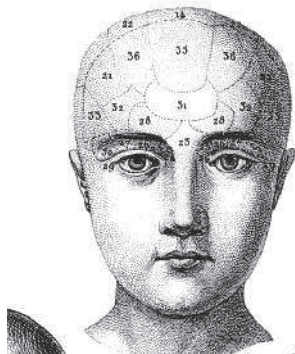

Fig. 18

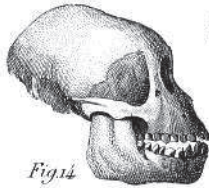

Fig. 14

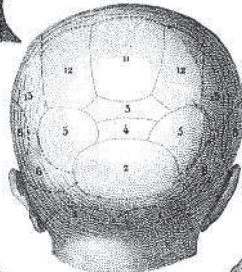

Fig. 20

Fig. 1

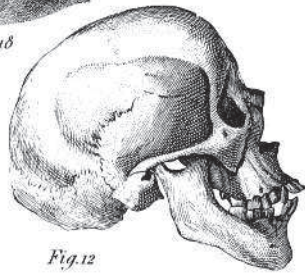

Fig. 12

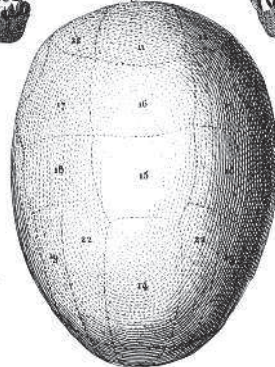

Fig. 21

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ | 7

ГЛАВА 1

Химическая революция: познать блаженство и потерять голову

11

ГЛАВА 2

Электрические флюиды и животные души: гальванизм, вольтовы столбы, электрохимия и начало новой эры

33

ГЛАВА 3

То, что надо: витализм, самозарождение и смысл «жизни»

61

ГЛАВА 4

Человек и монстр: Франкенштейн и наука о разуме

91

ГЛАВА 5

Анатомия ужаса: анатомирование, убийство и воскрешение в эпоху романтизма

121

ГЛАВА 6

На край света: полярные исследования и ледяные просторы

141

ГЛАВА 7

До и после: мучительное рождение и жуткая загробная жизнь Франкенштейна и его монстра

161

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА | 194

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ | 197

БЛАГОДАРНОСТИ | 207

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» вышел в свет в 1818 году. Он содержал анонимное предисловие, на самом деле написанное Перси Шелли, а вот предисловие к изданию 1831 года было гораздо объемнее и принадлежало уже перу самой Мэри. В обоих предисловиях объясняется — впрочем, в первом весьма поверхностно, — при каких обстоятельствах был задуман роман. По словам Мэри, она со своим возлюбленным (который вскоре стал ее мужем) Перси Шелли отдыхала на берегу Женевского озера в компании лорда Байрона и его врача Джона Полидори, но из-за затяжных дождей им пришлось много времени проводить дома (см. страницу 162). Чтобы как-то развлечь себя, они, под влиянием прочитанных немецких историй о призраках, договорились, что каждый из присутствующих напишет собственное мистическое сочинение. Мэри вспоминала, как слушала разговоры о современных достижениях науки в области витализма (см. страницу 62) и гальванизма (см. страницу 40), и утверждала, что именно эти беседы вдохновили ее сон наяву, в котором она увидела «бледного адепта тайных наук, склонившегося над созданным им существом... отвратительной пародией на человека». Так родился Франкенштейн.

Литературный и исторический анализ подвергает сомнениям почти все детали истории Мэри, но, как и ее роман, ставший мифом, этот рассказ о его происхождении тоже превратился в легенду. И, несмотря на неправдоподобие, он поднимает множество животрепещущих вопросов своего времени — вопросов, вдохновивших Мэри на создание романа и его героев, а также на изучение невероятно обширной коллекции источников, что придало ее истории необыкновенную мощь и неугасающий резонанс.

Сменивший эпоху Просвещения романтизм распространился и на науку. Новый дух созидания и фантазии, тесно связанный с глубоким осмыслением чуда природы, стер границу между натурфилософией и поэзией и стал свидетелем появления ученого нового типа. Такие люди, как Гемфри Дэви и Сэмюэл Кольридж (см. страницы 25 и 72), объединили науку и поэзию и черпали вдохновение для обеих из одного источника. Так рождалась синергия, воплотившаяся в мрачном апофеозе романтической науки авторства Мэри Шелли.

Личность и деятельность многих творцов науки того времени нашли отражение в литературном герое Викторе Франкенштейне, отвергающем сухую объективность того, что он считает рутинной наукой. Вместо этого Виктор выбирает для себя развитие событий, с физической и психологической точки зрения гораздо более иммерсивное и всепоглощающее, — то, что сегодня получило бы название «гонзо-наука», — и потому сопряженное с опасностью и весьма уязвимое.

В лице монстра, или создания, — а Мэри Шелли нигде не называет создание Франкенштейна по имени, — воплощено невероятное множество страхов, дебатов, доктрин и тревог эпохи. Времени, когда жила Мэри, предшествовали интеллектуальный кризис и революции Ренессанса и Просвещения, низвергнувшие былые авторитеты и пошатнувшие уверенность в месте человека в природе. Открытия в области биологии, географии, геологии и палеонтологии, наряду с зарождающейся теорией эволюции, послужили толчком для переоценки отношения человека к миру природы и тем чудовищам, что таятся в нем.

В романе самым увлекательным образом освещаются новейшие и древнейшие течения натурфилософии, и именно поэтому «Франкенштейн» часто считается первым подлинно научно-фантастическим произведением. Роман и его протагонисты представляют, а также подвергают сомнению перспективы и риски таких областей науки, как электротехника и химия, психология и философия сознания. Именно об этих волнующих и увлекательных областях науки в первую очередь повествует знаменитое произведение XIX века, и именно эти области, в свою очередь, мы намерены исследовать и объяснить в данной книге.

Примечание:

На момент возникновения идеи «Франкенштейна» и начала написания романа Мэри еще не была замужем и носила фамилию Годвин. Они с Перси поженились в 1816 году, однако начали считать себя мужем и женой еще до этого. Таким образом, писательницу принято называть Мэри Шелли и тогда, когда речь идет о появлении идеи и начале создания романа. Поэтому в данной книге, если иное не указано и не подразумевается, фамилия Шелли относится к Мэри.

ГЛАВА 1

ХИМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОЗНАТЬ БЛАЖЕНСТВО И ПОТЕРЯТЬ ГОЛОВУ

КОНЕЦ XVIII ВЕКА СТАЛ СВИДЕТЕЛЕМ НЕОБЫЧАЙНОГО ПЕРЕВОРОТА В МИРЕ ХИМИИ: ИЗ АЛХИМИИ ОНА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ОДНУ ИЗ САМЫХ ПОЧИТАЕМЫХ НАУК ЭПОХИ. ЭТО БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА ЭНТУЗИАСТЫ-РОМАНТИКИ ВОСХИЩАЛИСЬ НЕДАВНО ОТКРЫТЫМИ ГАЗАМИ, ДАЖЕ НЕСМОТЯ НА ТОТ ФАКТ, ЧТО ВЕЛИЧАЙШИЙ УЧЕНЫЙ ЭТОЙ ЭПОХИ БОРОЛСЯ ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ С РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ФАНАТИКАМИ – И ПРОИГРАЛ. ВЕЛИКИЙ РОМАН МЭРИ ШЕЛЛИ ПОСВЯЩЕН ИЗУЧЕНИЮ БОЛЕЗНЕННОГО ПЕРЕХОДА ОТ ОККУЛЬТНЫХ ОБЫЧАЕВ АЛХИМИИ К ЧИСТОМУ РАЦИОНАЛИЗМУ ХИМИИ.

МЕЧТЫ ЗАБЫТЫХ АЛХИМИКОВ: ОТ ДРЕВНЕГО МИСТИЦИЗМА К ЗАРОЖДЕНИЮ НОВОЙ НАУКИ

Мэри Шелли написала «Франкенштейна» в период, когда наука в целом и химия в частности вызывали величайшее волнение и вселяли оптимизм. Химия находилась в авангарде науки начала XIX столетия: это была молодая область исследований, только-только делавшая первые шаги наряду с уже хорошо известными миру физикой и математикой. При этом вновь приобретенные химические знания опрометчиво отвергали такую почти постыдную предыдущую реинкарнацию, как алхимия, с ее наследием мрачного мистицизма и темного оккультизма.

Шелли умышленно помещает своего главного героя, доктора Франкенштейна, на пересечении этих двух миров химии. Ему предстоит выступить и воплощением новой модели химии, и адептом старых методов. Он провел молодость, «жадно впитывая в себя» работы таких алхимиков, как Парацельс и Альберт Великий: «тысячелетние фантазии, столь же косные, сколь и древние». Франкенштейн рассуждает о том, как он «прошел вспять по пути науки и открытиям моих современников предпочел грезы давно позабытых алхимиков»¹.

НАСМЕШКА НАД НЕВИДИМЫМ МИРОМ

Приехав в университетский город Ингольштадт, чтобы продолжить обучение и быть представленным миру натурфилософии, Франкенштейн сталкивается с двумя светилами новой химии – профессорами Кремпе и Вальдманом. Кремпе отвергает алхимиков как распространителей «развенчанных систем и бесполезных имен», при этом ругая Франкенштейна: «Каждое мгновение, потраченное вами на эти книги, безвозвратно и полностью потеряно». Вальдман гораздо более сдержан в своих суждениях, он признает ценность фундамента, заложенного алхимиками, но восхваляет добродетели нового мира «современной химии»: «Нынешние [преподаватели]... прослеживают природу в ее сокровенных тайниках... Они

¹ Здесь и далее перевод романа З. Александровой.

приобрели новую и почти безграничную власть; они повелевают небесным громом, могут воспроизвести землетрясение и даже бросают вызов невидимому миру». Вдохновленный этой картиной, Франкенштейн клянется овладеть современной наукой ради реализации древних мечтаний алхимиков — властью над созданием и, возможно, над самой смертью.

Таким образом, Франкенштейн воплощает противоречия новой химической эпохи, находясь между ее древним наследием и современными устремлениями. Мечты и иллюзии алхимиков, искавших секрет философского камня и эликсира жизни, сталкиваются с открытием новых элементов и эфиров, новой системы веществ и ее трансформации.

*Гравюра из книги по алхимии,
демонстрирующая типичный темный символизм;
подобные книги вдохновляли вымышленного
Виктора Франкенштейна.*

ТЕМНОЕ ИСКУССТВО АЛХИМИИ

В начале знакомства с университетской жизнью Франкенштейн Мэри Шелли проходит краткий курс эволюции химии – в нем подробно исследуется история предмета в эпоху его трансформации, примерно с 1600 по 1800 годы. Работы и жизни людей, сыгравших роль в этой трансформации, становятся волнующими намеками и возбуждающими фантазию предвестниками истории Франкенштейна.

Химии предшествовала алхимия, оккультное искусство, занимавшееся поисками способа трансформации материи путем манипулирования физическими и мистическими переменными. Конечной целью алхимика в западной традиции (в Китае и других регионах существовали собственные, параллельные и зачастую схожие традиции) было создание магического вещества или предмета, известного под названием философского камня, обладающего, помимо прочих чудесных свойств, способностью преобразовывать основные металлы в золото. В своем стремлении достичь этой цели алхимик объединял древнюю философию и метафизику с более земными занятиями, в частности переработкой руды и изготовлением спирта, которые частично произошли от таких промыслов, как горное производство, кожевенное дело и окрашивание тканей. Таким образом, алхимик эпохи Средневековья выделял и очищал большое количество веществ и давал им названия, закладывая важнейший фундамент науки, которая появится позже. Как заметил великий химик XIX столетия Юстус фон Либих, «без философского камня химия не была бы тем, чем она является сегодня. Для того чтобы понять, что его не существует, было необходимо изучить и проанализировать каждое известное на земле вещество».

Среди алхимиков, особо отмеченных Франкенштейном, был Парацельс, – под таким псевдонимом работал шведский физик и философ Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493–1541). Колоритный персонаж, утверждавший, что путешествовал в таинственные Восточные земли, Парацельс достиг особых успехов в фармацевтике, предложив новые способы лечения сифилиса и разработав лауданум, опиумную настойку, оказавшуюся самым успешным средством во врачебной фармакопее вплоть до середины XIX века. Если говорить в целом, смелые нападки Парацельса на устоявшиеся авторитеты во многом способствовали открытию новых дверей для экспериментальной философии, вдохновив ученых, впоследствии совершивших научную революцию.

ПАРАЦЕЛЬС И ГОМУНКУЛ

Особый интерес в свете романа «Франкенштейн» представляет известное заявление Парацельса о том, что им был успешно создан гомункул — буквально: «человечек» — рукотворное существо, предшественник иудейского *голема* и монстра Франкенштейна. Согласно рецепту, представленному Парацельсом, если семя человека «заключить в герметично закупоренную пробирку и закопать в конском навозе на сорок дней, а затем хорошо намагнитизировать, оно начинает оживать и двигаться. После этого срока оно приобретает форму и вид человеческого существа, но будет прозрачным и лишенным тела». Дальше Парацельс утверждал, что если кормить его экстрактом крови под названием *arcantum sanguinis hominis*, то можно получить крошечного человеческого ребенка, которого уже следует вырастить обычным образом.

Абсурдные заявления и таинственные доктрины позволяют отнести Парацельса к миру алхимиков. Ученым, по-настоящему перебросившим мост через пропасть, разделяющую древний мистицизм и современную науку, стал англо-ирландский натурфилософ Роберт Бойль (1627–1691). Бойль начал свою деятельность как алхимик, но стремился перенаправить древнее искусство в новое, более научное русло. Однако самому Бойлю не были чужды фантастические идеи и спекуляции — некоторые из них, возможно, подсказали идеи для истории Франкенштейна. В своеобразном послании будущим ученым, записанном для Королевского общества — научного общества в Лондоне, созданию которого он способствовал для продвижения экспериментальной науки, — Бойль перечислил ряд направлений будущих исследований. Помимо призывов разрабатывать обезболивающие и меняющие сознание препараты, Бойль также рекомендовал проводить исследования, направленные на «достижение небывалых горизонтов», что, как считается, указывало на возможности дальнейшего развития человечества.